

Валерий Злобин

Я УМРУ, ЕСЛИ ОСТАНОВЛЮСЬ...

Валерий Злобин

Я умру, если остановлюсь...

«Издательские решения»

Злобин В.

Я умру, если остановлюсь... / В. Злобин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960530-6

Главный герой — Мэтью Клоуфорд — с детства живёт в постоянном движении, и всё из-за редкой болезни, которая убьёт его, если он остановится дольше, чем на пару минут.

ISBN 978-5-44-960530-6

© Злобин В.
© Издательские решения

Я умру, если остановлюсь...

Валерий Злобин

1

Дизайнер обложки Ксения Пушкарёва

© Валерий Злобин, 2018

© Ксения Пушкарёва, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4496-0530-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эмма больше не могла ни на секунду унять своё любопытство, которое, к слову говоря, всегда выходило ей боком. Ещё в школьные годы оно доставляло ей немало хлопот и чаще всего служило причиной для конфликтных ситуаций со всеми вытекающими. *Идиотка, будешь знать, как покупать билет в последний момент*, – запричитала она про себя и, положив сумку на колени, вжалась спиной в угол сиденья, прислонившись плечом к завешанному белоснежной шторой окну двухместного купе. И когда мужчина в багровой кожаной куртке поверх гавайской майки снова показался в дверях, Эмма с ходу выпалила первое, что пришло ей в голову:

– Зачем ты это делаешь?

Застыв на мгновение в проходе, мужчина удивлённо оглянулся, убедившись, что незнакомка говорит именно с ним, а не с проводником, чья неопрятная борода могла вызвать подобный вопрос.

Однако девушка точно говорила с ним. Сомнений больше не было.

Растерянно усевшись на мягкое сиденье напротив Эммы и, практически слившись с обитым красной кожей салоном, он ответил то, что отвечал каждый раз, когда ему не хотелось заводить беседу о своём тяжёлом детстве и не менее тяжёлом недуге:

– О чём это ты?

– Каждую станцию, примерно за три минуты до остановки, – начала Эмма и её карие с золотым ободком глазки засверкали сквозь копну огненно-рыжих волос, – ты выходишь из вагона и идёшь в конец поезда, после чего покидаешь и его. Затем бесцельно бродишь по перрону, тщательно избегая каждого, кто встаёт на пути, будь то потерявшийся мальчишка-путешественник или пожилая дама, уставшая в одиночку тащить громоздкий багаж. После чего, ровно за минуту до отправления, поднимаешься в последний вагон и неспешно возвращаешься в купе. Таким образом, мы и вернулись к моему первоначальному вопросу: зачем ты это делаешь?

Мужчина усмехнулся и демонстративно похлопал в ладоши.

– Браво, мисс Марпл!

– Мне всего двадцать шесть, вязать я не умею, так как усидчивость не входит в ряд моих положительных качеств, да и растения у меня в квартире долго не живут. Был кактус, да и тот сдох пару месяцев назад.

Лицо незнакомца изменилось, преисполнилось неким уважением к любознательной и начитанной соседке. Перед ним сидела не одна из тех дурнушек, которых он поголовно встречал в каждом городе. Нет-нет.

Эта девушка была особенной.

Он почувствовал это.

И Эмма, почувствовав нечто подобное по отношению к незнакомцу, расслабилась и, прищурившись, взглянула на мужчину в безвкусных серых джинсах, что держались на его узкой талии исключительно на добром слове, ну и ещё на потрёпанном ремне из коззама.

– Следующая станция конечная, – спустя минуту молчания сказал он. – Вряд ли я успею рассказать всю историю.

– Ехать нам около двух часов, да и после я никуда не спешу. Мы могли бы сесть...

– Нет, не могли бы, – болезненно и грустно усмехнулся незнакомец и опустил глаза в пол. – В этом и проблема. Я не могу остановиться. Я умру, если остановлюсь...

2

– Мой отец, Клейн Клоуфорд, был человеком вспыльчивым и порой излишне прямолинейным. Знаете, у всех есть фитиль, стоит который поджечь, как человек превращается в монстра. Так вот, у моего отца такого фитилька и вовсе не было. Наверное, поэтому на моё шестилетие он обрушил на меня правду, как Ниагарский водопад за секунды обрушивает около миллиона галлонов воды в заполненную туманом природную чашу...

Незнакомец замолк на мгновение, после чего, хлопнув себя ладонью по лбу, добавил:

– Где же мои манеры?! Меня зовут Мэтью.

3

– Нет, мы должны были свернуть на автостраду 44 и ехать через Талсу до грёбанного Миссури, чёртов ты мудака! – хрипло рявкнул Клейн и снова разразился диким кашлем, который окончательно разбудил лежавшего в полудрёме Мэтью.

Но даже факт очередной ссоры между братьями Клоуфорд не мог испортить Мэтью настроения в столь замечательный день. Лучи утреннего солнца уже обволакивали дом на колёсах, мчащийся по автостраде 40, и проникали прямо в салон, в котором пахло ароматными... *Гренки?* – обрадовался Мэт и подорвался, будто солдат, услышавший голос своего командира.

– Кто это у нас здесь проснулся?! – на испещрённом усталостью лице Клейна Клоуфорда неожиданно возникла искренняя улыбка.

– Племяш! – глядя через вшитое в корпус зеркало, прикрепленное вместо зеркала заднего вида (в трейлере оно как-никак было водителю ни к чему), крикнул Стивен. – Кто у нас тут совсем взрослый, а?

– Я, – робко ответил Мэтью, садясь на край дивана и протирая заспанные глаза.

– Не слышу!?

– Я! – весело повторил Мэт и ловко соскочил с дивана в тапочки с мордашками медвежат.

– Поздравляю, сын! – холодно добавил Клейн и злобно взглянул на брата, сидевшего за рулём, от чего тот аж съёжился. – Я пожарил твои любимые гренки, молоко возьми в холодильнике и... – поздравления никогда не были его сильной стороной, – наслаждайся праздником!

Мэтью налил в стакан молока из картонной коробки и сел за «праздничный» стол, чтобы умять любимое лакомство. Он отдернул жалюзи с окна и принялся наблюдать за лучами солнца, пляшущими сквозь кроны деревьев, что тянулись вдоль дороги высокой зелёной стеной.

– Вдаль автострады и леса-то быть не должно! – вновь заворчал Клейн.

– Ну, свернул не туда, – вздохнул Стивен. – Всякое бывает!

– Наградила же меня природа таким тупым усатым хорьком вместо брата.

Стивен криво улыбнулся в ответ, глядя на брата, и оба, будто по чьей-то команде, громко засмеялись, от чего Мэтью аж вздрогнул и выронил лакомство из рук обратно в тарелку. Он

напугано посмотрел на отца, побледневшего от смеха, за которым последовал новый хриплый приступ кашля. Сухого, ужасного кашля, словно разъярённый демонстражник стучит огромной кувалдой по грудной клетке. Мэтью такие приступы по необъяснимой причине очень злили. Ему то и дело хотелось крикнуть, чтобы отец прекратил задыхаться и нарушать благоговейную тишину (и под тишиной он подразумевал гул колёс, несущих пассажиров чёрт знает куда по идеально ровной автостраде с неизвестным номером).

– Извини, что так мало, – сказал отец, незаметно усевшись за столик напротив сына, поглощённого мыслями. – Первую порцию я слегка спалил. Нам с твоим дядей не привыкать есть угли, да, Стив? – скрестив руки перед собой, бросил он в сторону водителя.

– Чего? Угли? Ничего не знаю! Я шеф-повар от Бога, ещё матушка, упокой Господь её душу, поговаривала, что у меня дар.

– ...ишь, как дышишь! – ухмыляясь, вякнул отец и вновь загромычал, как вечернее чернильное небо после дневного солнцепёка.

– А в гости к маме мы заедем? – спросил Мэтью неожиданно даже для себя.

– Нет, – отрезал он.

– Почему мама не поехала с нами?

– Потому что, – грубо рявкнул Клейн.

– Но я хочу к маме, хочу, чтобы она... – не унимался Мэтью.

– Племян, твоя мама просто... – начал было Стивен, слегка отпустив педаль газа. Он славился тем, что мог мирно, с присущей дипломатам изящностью, решить любой конфликт. Даже будучи пьяным в драбадан, ему всегда удавалось выйти сухим из воды, а точнее целым и невредимым уйти от драки в переулке за баром. Как любили поговаривать друзья: «Язык-то подвешен, ему б разумное применение найти!»

Но не в этот раз. Его прервал стук массивного кулака по столу, от чего тарелка с последним кусочком любимого деликатеса подскочила на месте. Лицо Клейна наполнилось яростью, после долгого приступа кашля капилляры в его глазах полопались, от чего взгляд стал столь диким, что Мэтью невольно втянул голову в плечи.

– Твоя мать бросила тебя, потому что не захотела жизни, к которой я веду тебя сейчас! Понимаешь? – он запнулся, взглянул на ёрзавшего за сиденьем Стивена. – Она ушла, потому что не смогла бы вынести такой жизни. Понимаешь, сынок... эм... ты болеешь редкой... даже... уникальной болезнью. Почему мы, по-твоему, постоянно движемся? Куда-то едем и никогда не сидим на месте, м? Знаешь почему?

– Нет, сэр, – дрожащим голосом ответил Мэтью.

– Потому что врачи сказали, что твой мозг слишком чувствителен к каким-то там магнитным полям... я не учёный, сам знаешь, твой отец умом не блещет, но суть мне уловить удалось. Если ты не будешь двигаться в пространстве, если остановишься дольше, чем на пару минут, то всё! Отправишься к нашей любимой бабуле, упокой Господь её душу, понимаешь?

– Да, сэр, – сердце Мэтью бешено колотилось в груди, будто разъярённый демонстражник решил и там заняться своеобразной «реконструкцией».

– Вот и... – сквозь кашель сказал Клейн, – отлично! – он взъерошил слегка дрожащей рукой волосы сына, после чего поднялся из-за стола и спокойно добавил: – Доедай свой праздничный завтрак, сегодня нас ждёт отличный день!

Но у Мэтью что-то будто застряло в горле, и, глядя на последний кусочек запечённого с яйцами хлеба, он вдруг понял, что больше в него не влезет. И чем дольше он об этом думал, тем ближе тяжёлой поступью приближалось к нему осознание того, что жизнь его изменилась, как изменилась жизнь Фродо, на чью долю выпало отнести кольцо Всевластиа в мрачный тёмный Мордор.

В тот день Мэтью возненавидел гренки.

А ещё возненавидел отца, который как ни в чём не бывало, вернулся на пассажирское место и спустя пару мгновений дорожной тишины учинил новый спор с братом.

4

– А как же сон? – спросила Эмма.

– Я сплю по 4—5 часов в день каждый раз, когда мне удаётся найти что-то, что находится всё это время в постоянном движении.

– А если не найдёшь?

– Всегда можно найти попутку, – отвечал Мэтью нудно и монотонно, ведь ни одного нового вопроса за последние две минуты, как и за прошедшие 18 лет, он не услышал. – И всегда можно предупредить человека о том, что один раз в семь миллиардов случается такое, что человек рождается с обострённой формой танатофобии.

– Это же просто фобия? Боязнь смерти, если я не ошибаюсь, – поинтересовалась Эмма.

С каждым новым вопросом симпатия Мэтью к рыжеволосой незнакомке перерастала в нечто большее. Похоже, он медленно и бесповоротно влюблялся в Эмму. Она действительно была уникальной, особенно в те моменты, когда задавала вопросы и тут же сама отвечала на них. Многих такая черта характера раздражала, но только не Мэтью. Мэтью это нравилось. Разговоры с людьми, склонными к размышлениям всегда разжигали в его сердце огонь и надежду.

Путешествуя из города в город, из штата в штат, он видел людей, которые озабочены повседневными проблемами. Они постоянно спешат, копошатся, будто муравьи, пляшущие под дудку невидимого озорника с лупой. Среди них, конечно же, ему попадались люди, преследующие определённую цель, что, несомненно, вызывало чувство гордости и уважения. Однако большинство из них бесцельно бродили по муравейнику жизни из одной секции в другую, безвольно выполняя заповеди, навязанные родственниками и обществом.

В возрасте 22 лет, впервые посетив Нью-Йорк, Мэтью был поражён тем, как прекрасен город, о котором он так много читал в книгах и статьях. Жизнь в «Большом яблоке» буквально кипела, и это казалось ему таким восхитительным и таким воодушевляющим. Он впервые очутился там, где всё и вся находится в постоянном движении. Совсем как он.

И именно в Нью-Йорке годами позднее, одним осенним днём он и узнал то, что заставило его пересечь девять штатов и сесть на тот самый поезд, в котором любопытная рыжеволосая незнакомка заведёт разговор, который впоследствии и заставит его остановиться...

5

– В инстаграме? – переспросил Мэтью у девочки, что едва успевала следовать за ним через перекрёсток мира – прямо через Таймс-Сквер, где его и угораздило попасть в объектив юного фотографа-фрилансера.

– Да, – не унималась она, закрывая крышечкой 50-мм объектив изувеченного временем фотоаппарата с маркировкой 60D в правом верхнем углу. – Неужели, ты не знаешь что такое инстаграм? Все знают, что такое инстаграм!

– Я – нет! – Мэтью услышал, как сильно его голос стал похож на голос отца, отчего ему вдруг стало тошно, и он решил стать мягче и даже изменился в лице. И вновь повёл себя совсем как отец. – Что это такое? – спросил он голосом заботливого родителя, чьё чадо упало посреди детской площадки и разбило коленки.

– Социальная сеть, – пояснила она, – где люди выкладывают фотографии и делятся своей жизнью с другими.

– А если делиться нечем? – грустно заметил Мэтью, слегка сбавив темп. Он понял, что отвязаться от навязчивого подростка ему не удастся, поэтому решил попутно внимательнее разглядеть Таймс-Сквер, пусть и под пристальным надзором девушки в яркой жёлтой курточке.

– Тогда люди притворяются и выставляют фото, где путём хитрых манипуляций проецируют жизнь, о которой мечтают! Я знала одну су... девку, так она садилась на пол, засовывала колени под футболку и селфилась, мол: «*Смотрите, какие у меня большие сиськи*». Дура душой, но фолловеров-то она себе набила и в итоге за счёт рекламы сделала грудь.

– А толку-то? – спросил Мэтью, хоть и не понял половины из произнесённых ею слов. Никогда прежде он не был таким отстранённым. Видимо, город сильно влиял на него, особенно Таймс-Сквер – перекрёсток мира, представлявший собой олицетворение его нелёгкой жизни.

Его завораживала обрамлённая высотками, пронзающими осеннее небо, площадь с сотнями билбордов и рекламных щитов, каждый из которых взрывался фейерверком красок и эмоций, что заполняли пустоту в сердцах туристов и местных суетливых муравьёв.

– Деньги всем нужны – кто на что горазд, тем и гребёт! Так вот, я выложу фотку в свой аккаунт с хештегом, – она забавно ударила средним и указательным пальцами левой руки по тем же пальцам на правой, изобразив решётку. – И если она тебе понравится, то ты сможешь выкупить её в хорошем качестве, написав мне в директ!

Мэтью резко остановился, но мысль, что, несмотря на усталость в ногах, ему нельзя долго стоять на месте, заставила его продолжить движение. Только этой мысли предшествовала другая, воодушевляющая и радостная, что и дёрнула Мэтью застыть на мгновение посреди Таймс-Сквер в самой оживлённой в мире толпе. Даже девочка, наконец подхватившая темп и не сводящая взгляд пепельных глаз с мужчины, выпавшего из 80-ых годов, врезалась ему головой в локоть. Однако её безудержную болтовню столкновение не остановило. Она продолжала говорить и говорить на своём подростковом диалекте.

– Есть ли возможность, предположим, найти человека, если знаешь только имя и фамилию?

– Если он не сидит под левым ником, да ещё и указал настоящие данные в био, то... – она замылась. «*Боже, неужели этот ребёнок умолкает?*» – успел подумать Мэт за отведенную ему на звуки перекрёстка мира секунду, – вполне возможно.

– Можешь помочь? – надежда поселилась в душе Мэтью, наполнив радугой монотонные пейзажи её пустынных равнин. Он боялся этого чувства, как боялся и любых других сильных эмоций. Его образ жизни никто и никогда не мог постичь, а уж принять и подавно. Он видел десятки, сотни, *нет!* тысячи людей. Делился своей историей в надежде найти понимание, и, изредка, ему это удавалось, однако чаще всего он наткнулся на титановую дверь бункера с табличкой «**ЧТО ЗА БРЕД, ПРИЯТЕЛЬ?**», висевшую прямо над входом.

Месяцы сделали Мэтью холодным и чёрствым, а годы – одиноким. Возможно, поэтому таблоид с надписью «*Движение – это жизнь*» так обозлил его и не позволил насладиться общением с девочкой в жёлтой куртке, которую он встретил посреди перекрёстка мира.

– А фотку купишь? – её серые глаза, казалось, наполнились синеватым цветом. «*И вправду, душа у каждого цветёт своими оттенками!*» – подумал вдруг Мэтью. Он не мог вспомнить: его это мысль, или он прочёл нечто подобное в одной из тысяч книг, заменявших ему друзей в долгих бесцельных скитаниях.

– Далеко пойдёшь! – улыбнулся Мэтью и достал из внутреннего кармана бумажник. Такой лёгкий, что порыв ветра мог без особых усилий выбросить его в космос.

– Не густо, – поджав губы, хмыкнула девочка в жёлтой курточке. – Но моя мама, Мила, говорит, как и все у неё на родине любят говорить: На безрыбье и рак – рыба. Давай пятёрку!

– За написание статей в интернете много не получишь! – выпалил Мэтью. И вновь резко изменил интонацию. Вылитый отец. – Так что, сможешь мне её найти?

– Не вопрос, Марти, – усмехнулась она и достала из кармана телефон, что едва помещался в её крохотных ладонях. – Кого ищем-то?

– Мою маму... – задышавшись, произнёс Мэтью и в последний раз в жизни оглянулся на пестрящий на фоне чернильного неба перекрёсток мира, гордо именуемый муравьями Таймс-Сквер.

6

– И ты хочешь найти мать, зная лишь отметку геолокации по единственной в её инстаграм-профиле фотографии? – взгляд Эммы нейтрализовал все системы безопасности, какими только успел окружить себя Мэтью за долгие годы странствий. Он знал, что через пятнадцать минут их диалог подойдёт к концу, и они навсегда потеряются в бесконечном потоке жизни.

– Да, – оборвал он максимально холодно. Вышло, признаться честно, слегка по-детски. – Хочу узнать, почему она открестилась от меня и оставила на попечение отца и его брата.

– Значит, Хендерсон, штат Невада?

– Точнее данных нет, – вздохнул он. – Какой-то парк в Хендерсоне.

– Хендерсон, – задумчиво повторила Эмма. – Чтобы найти её в ХРЕНдерсоне тебе понадобится тот, кто может, без обид, адекватно расспросить местных.

– Я привык уже, справлюсь.

– Ты не понял, я поеду с тобой, – улыбнулась она. – Я так и не сказала, кем работаю? Да?!

– Нет... то есть... – залепетал Мэтью. – То есть да, не сказала!

– Я журналистка, меня отправили в Лас-Вегас, чтобы изучить проблему, связанную с нехваткой пресной воды, колоссальная доля которой уходит на нужды туристов, а не местных жителей. Но твоя история... чёрт, – прищурившись, закивала она в такт барабанной дробы, что отбивал слегка замедляющийся поезд. Мэтью подметил замедление уже минуты три назад, он овладел этим навыком в совершенстве – ему удавалось распознать малейшие перемены в скорости движения.

Ещё бы, от этого зависела его жизнь!

– Ничем непримечательная история, – пожал плечами Мэт.

– Чёрт! – возбуждённо выругалась она, что окончательно обескуражило Мэтью. Ругательства шли ей так же, как смиренная рубашка подошла бы пилоту истребителя F-22 «Raptor» в самый разгар боевых действий.

– Чёрт... – с наиглупейшей улыбкой повторил он.

7

– Нам бы перекусить чего, – едва поспевая следовать за Мэтью в последний вагон, сказала Эмма.

Поезд практически остановился. В проходах тут и там уже появлялись люди, маневрировать между которыми юной журналистке было не так уж и легко, чего нельзя было сказать о мужчине в старомодной багровой куртке, умело скользившем сквозь толпу.

– Найдём фургончик, где продают еду. Только вот одна проблема: в городах вроде Вегаса и Нью-Йорка слишком много народу, слишком много очередей... – и тут его вдруг осенило, нотки радости и облегчения проскочили в его голосе. – Я дам тебе денег, а ты купишь нам еды!

– Ещё чего?! – возмутилась Эмма, и Мэт понял, что слишком рано обрадовался попутчице. – Я хочу увидеть, как ты это делаешь!

Двери вагона распахнулись, и пассажиров тут же объяли духота и дух азарта.

– Чёрт! – шепнул он едва слышно, выскакивая на перрон.

– Здравствуйте, у меня редкое заболевание, при котором я не могу долго стоять на месте... – затараторил Мэтью, как только они с Эммой встали в очередь у ближайшего фургончика, из которого доносился аппетитный аромат жареных сосисок и дешёвого крепкого кофе.

Точнее Эмма встала в сторонке, сквозь смех наблюдая за тем, как мужчина с угольно-чёрными английскими усами, будто сам Эркюль Пуаро сошёл со страниц романа дабы отведать местных уличных деликатесов, с неким недопониманием и растерянностью смотрел на трещавшего Мэтью.

– И?

– Я займу очередь за вами? И могли бы вы её придержать для меня?

– Ну, – Эркюль задумчиво почесал лысину, обрамлённую чёрным серпом волос. – Хорошо.

Не успел тот закончить фразу, как Мэтью сорвался с места и начал вырисовывать круги вокруг фургона. Какое-то время Эркюль наблюдал за ним, как за дрессированной собачкой, бегающей на задних лапках по арене цирка. Могло показаться, что он не воспринял всерьёз слова мужчины в старомодной багровой куртке, однако когда пришло время, и сзади в очередь пристроился худощавый парнишка в майке и гигантских очках, тот объявил нечто вроде: «*Слушай, приятель, за мной занял вон тот парень, который носит по улице как угорелый. То ли не все дома у него, то ли что, чёрт его знает. Но ты это...пустишь его, когда он подойдёт?*» На что парнишка гнусаво ответил согласием и присоединился к просмотру реалити-шоу.

Эмма улыбалась сквозь пелену сомнений. Услышав в поезде рассказ Мэтью, она подумала, что незнакомец решил подтронуть над ней, однако теперь Эмма недоумевала... или розыгрыш зашёл слишком далеко, или он действительно болен тем, что по его словам называется «Эффект Колибри». Правда, наведя справки в сети, она так и не нашла о болезни ничего, кроме двух-трёх статей, размещённых в сомнительных любительских блогах.

Теперь её журналистским долгом было выяснить правду.

Она была настолько погружена в размышления, что и не заметила, как подошла очередь Мэтью. Он заказал пару хот-догов «*И в один, пожалуйста, добавьте что-нибудь острое, очень острое!*» и два эспрессо с собой.

Эркюль же, жадно уплетая двойной чизбургер, ещё пару минут постоял напротив фургона-забегаловки, наблюдая за новоиспечённым другом, после чего, так и не увидев больше ничего интересного, отправился в сторону ближайшего казино. Он и представить себе не мог, что за подарок для него приготовил этот жаркий, даже по местным меркам, денёк. Через пару часов Эркюль Пуаро, более известный среди своих как Генри Бакер – наиобыкновеннейший и скучнейший клерк из всех клерков Лос-Анджелеса, сыграет в автомат Megabucks. И выиграет! Один из крупнейших выигрышей за всю историю казино, которое последние лет двадцать-двадцать пять будет выплачивать ему по 1,7 млн. долларов в год.

И когда Эмма откусила хот-догов, знатно сдобренный самой ядрёной горчицей, что имелась в фургончике, Мэтью понял, что в столице азарта можно получить не только баснословные деньги.

– До сих пор рот горит! – Эмма треснула Мэтью по плечу, на что тот ответил очередной порцией истерического смеха. – Не смешно!

– Вот это я понимаю – острая на язычок! – продолжал он, на ходу загибаясь от коликов в животе.

– Вот значит как! – она сложила руки перед собой и повела носом, от чего веснушки на нём будто потемнели. Наигранно хмурая и злая, Эмма привлекала Мэтью всё больше и больше. Она обладала редким чувством юмора, умела посмеяться над собой и, что не менее важно, относилась к нему как к здоровому человеку.

Они шли по раскалённому асфальту вдоль Фримонт-стрит, глядя на дома, ограждённые невысокими заборами. Палящее солнце беспощадно высасывало все краски из пустыни, о чём свидетельствовали выцветшие стены и крыши одноэтажных строений. Однако кустарники, кедры и пальмы пестрили зеленью, что создавало невероятный контраст. Хотя, говоря о контрастах, нельзя было не заметить, как жилая зона отличалась от центра города, где на туристов грозно взирают высотки, а манящие вывески сверкают радушием, завлекая путников в свои алчные объятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.